

DOI: [10.14515/monitoring.2026.4.3211](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3211)**С. В. Захарова****РЕПРОДУКТИВНЫЕ НАМЕРЕНИЯ И РАЗДЕЛЕНИЕ
ОБЯЗАННОСТЕЙ В СЕМЬЕ: ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СВЯЗИ
НА РОССИЙСКИХ ДАННЫХ****Правильная ссылка на статью:**

Захарова С. В. Репродуктивные намерения и разделение обязанностей в семье: эмпирическая оценка связи на российских данных // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 4. С. 207—230. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3211>.

For citation:

Zakharova S. V. (2026) Reproductive Intentions and Division of Chores in the Family: An Empirical Assessment of the Relationship Using Russian Data. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 207–230. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3211>. (In Russ.)

Получено: 04.12.2025. Принято к публикации: 24.06.2026.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ НАМЕРЕНИЯ И РАЗДЕЛЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ В СЕМЬЕ: ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СВЯЗИ НА РОССИЙСКИХ ДАННЫХ

ЗАХАРОВА Светлана Владимировна — аспирант факультета экономических наук, стажер-исследователь Центра комплексных исследований социальной политики Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: svzaharova@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0000-0842-5300>

Аннотация. Статья представляет эмпирический анализ связи между репродуктивными намерениями россиян и разделением домашних обязанностей в сочетании с уровнем удовлетворенности им. Работа опирается на теоретические подходы, связывающие рождаемость с участием мужчин и женщин в домашнем труде, и продолжает методологию, предложенную в исследовании Б. Ридерера и соавторов на данных четырех европейских стран. Эмпирической базой стали данные первой волны (2004 г.) репрезентативного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ; обследование проведено в России в рамках международной программы «Поколения и гендер»). На основе четырех видов домашних занятий (приготовление еды, мытье посуды, покупка продуктов, уборка) был сконструирован индекс, позволивший выделить группы домохозяйств с традиционным и модернизированным разделением труда. Затем данный индекс был совмещен с тремя уровнями удовлетворенности сложившимся распределением. Для проверки гипотез оценивалась бинарная логистическая регрессия с зависимой переменной — намерением завести ребенка в ближайшие три года. Модели оценивались отдельно для мужчин и женщин, а также для

REPRODUCTIVE INTENTIONS AND DIVISION OF CHORES IN THE FAMILY: AN EMPIRICAL ASSESSMENT OF THE RELATIONSHIP USING RUSSIAN DATA

Svetlana V. ZAKHAROVA¹ — PhD Student, Faculty of Economic Sciences, Research Assistant at the Centre for Comprehensive Social Policy Studies, Institute for Social Policy
E-MAIL: svzaharova@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0000-0842-5300>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. This article presents an empirical analysis of the relationship between Russians' reproductive intentions and the division of household chores, along with their satisfaction with it. The study draws on theoretical approaches linking fertility to the participation of men and women in domestic labor, and builds upon the methodology proposed in a study by Riederer and co-authors using data from four European countries. The empirical basis is the first wave (2004) of the nationally representative survey "Parents and Children, Men and Women in Family and Society" (implemented in Russia as part of the international Generations and Gender Programme). Based on four types of household chores (cooking, washing dishes, shopping for groceries, and cleaning), the author constructed an index to classify households into groups with traditional and modernized division of labor. This index was then combined with three levels of satisfaction with the existing distribution. To test the hypotheses, a binary logistic regression was estimated with the dependent variable being the intention to have a child in the next three years. Models were estimated separately for men and women, as well as for respondents with and without children. The results showed that a combination of a modernized division of labor and extremely high satisfaction with it is significant

респондентов с детьми и без детей. Результаты показали, что для формирования положительных намерений значимо сочетание модернизированного разделения труда и чрезвычайно высокой удовлетворенности им. Напротив, традиционное разделение труда в сочетании с низкой удовлетворенностью оказалось одним из заметных негативных факторов. Анализ на подвыборках выявил гетерогенность: для женщин значим положительный эффект от модернизированного разделения труда и высокой удовлетворенности, в то время как для мужчин значимым остался только негативный эффект от неудовлетворенности традиционной моделью. Связь разделения труда и намерений устойчива для респондентов с детьми, но малозначима для бездетных.

Ключевые слова: рождаемость, репродуктивное поведение, репродуктивные намерения, разделение домашних обязанностей, модели бинарного выбора

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-013). Автор выражает искреннюю благодарность Е. С. Вакуленко и рецензентам статьи за ценную обратную связь, замечания и рекомендации, которые помогли улучшить ее содержание.

Введение

В современной России повышение рождаемости — один из приоритетов демографической политики. Обширный пласт исследований и мер государственной поддержки сосредоточен на объективных экономических факторах, таких как введение материнского капитала, поддержание доступности жилья через введение льготных семейных ипотек и др. [Slonimczyk, Yurko, 2014; Вакуленко, Евграфова, 2025]. При этом все больше исследований указывает на важность учета внутри-семейных и субъективных факторов, связанных с принятием решений о рождении ребенка [Вакуленко и др., 2024]. В частности, характер распределения труда в семье и то, насколько партнеры им удовлетворены, может быть не менее значимым

for the formation of positive intentions. In contrast, traditional division of labor combined with low satisfaction proved to be one of the notable negative factors. Analysis on subsamples revealed heterogeneity: for women, the positive effect of modernized division of labor with high satisfaction was significant, whereas for men, only the negative effect of dissatisfaction with the traditional model remained significant. The link between division of labor and intentions is robust for respondents with children but almost statistically insignificant for childless respondents.

Keywords: fertility, reproductive behavior, reproductive intentions, division of household chores, binary choice models

Acknowledgments. This article is an output of a research project (HSE-BR-2025-013) implemented as part of the Basic Research Program at HSE University. The author expresses sincere gratitude to Elena Vakulenko and the anonymous reviewers for their valuable feedback, comments, and recommendations, which helped to improve the content of the article.

фактором репродуктивного поведения, чем объективные экономические условия. Изучение таких механизмов — актуальная задача экономики домохозяйств.

Сложившаяся в России модель распределения домашних обязанностей отличается асимметрией: основная нагрузка по дому и уходу за детьми приходится на женщин, даже при их высокой занятости на рынке труда [Антонов, Карпова, Ляликова, 2024; Барсукова, Радаев, 2001]. При этом, как показывают исследования, ключевую роль играет не только фактическое распределение обязанностей, но и его субъективное восприятие и удовлетворенность им [Макаренцева, Бирюкова, Третьякова, 2017]. Зарубежные ученые выявили, что более равномерное участие партнеров в домашнем труде, особенно в сочетании с высокой удовлетворенностью таким распределением, положительно связано с репродуктивными намерениями [Riederer, Buber-Ennsner, Brzozowska, 2019; Kan, Hertog, Kolpashnikova, 2019]. Несмотря на признание важности справедливого распределения труда в семье, эмпирических исследований в российском контексте, в которых такая связь с репродуктивным поведением находилась бы в фокусе работы, остается недостаточно.

Репродуктивные установки могут пониматься в исследованиях по-разному: как намерение родить ребенка в определенный период, желаемое число детей, предпочтительные интервалы между рождениями детей. В настоящей работе репродуктивные намерения рассматриваются как краткосрочные намерения рождения (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет. Цель исследования — выявление связи между намерениями завести ребенка в ближайшие три года и характером распределения домашних обязанностей в паре в сочетании с уровнем удовлетворенности этим распределением.

Для достижения данной цели были проанализированы данные первой волны (2004 г.) репрезентативного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ). В работе рассматривалась выборка респондентов репродуктивного возраста (18—45 лет), состоящих в отношениях. Для оценки связи репродуктивных намерений с разделением домашних обязанностей и удовлетворенностью им оценивалась бинарная логистическая регрессия. Ключевыми объясняющими переменными выступили переменные, показывающие тип распределения обязанностей в домохозяйстве в сочетании с удовлетворенностью им. Для проверки устойчивости результатов и выявления гетерогенности были оценены отдельные модели на подвыборках мужчин и женщин, а также респондентов с детьми и без детей.

Таким образом, работа призвана внести вклад в сложившуюся научную дискуссию путем эмпирического исследования репродуктивных намерений россиян в 2000-е годы.

Обзор литературы

Теоретическая рамка

Изучение репродуктивного поведения может быть основано на анализе репродуктивных намерений или фактических рождений. К репродуктивному поведению можно применить теорию планируемого поведения [Ajzen, 1991]: с этой точки зрения намерение рассматривается как основной предшественник действия. Само

намерение формируется под воздействием трех групп факторов (установок, субъективных норм и воспринимаемого поведенческого контроля), которые в контексте рождаемости могут выражаться как осознанное желание рождения ребенка; существующие в обществе социальные нормы и имеющиеся у семьи ресурсы. В России изучение репродуктивных намерений показывает их связь с фактическими рождениями: исполняются 97 % высказанных отрицательных намерений о рождении ребенка в перспективе трех лет, а также порядка 40 % определенных положительных намерений [Макаренцева, Бирюкова, 2023]. Таким образом, анализ репродуктивных намерений позволяет выявить факторы, связанные именно с принятием решения о рождении ребенка до его реализации.

Что касается связи рождаемости и разделения домашних обязанностей, здесь можно выделить два главных направления дискуссии. В экономическом анализе рождаемости широко распространена работа Г. Беккера о выборе родителей между количеством и качеством детей при условии имеющихся ограничений [Becker, 1960]. Но, кроме того, Беккер также внес вклад в обсуждение связи репродуктивного поведения и характера разделения труда в домохозяйстве. Он рассматривал домохозяйство как единицу, максимизирующую свою полезность, для которой может существовать выгода от следующей специализации: мужчина специализируется на рыночном труде, а женщина — на домашнем труде, рождении и воспитании детей [Becker, 1985]. Согласно этому подходу, подобное традиционное разделение труда должно приводить к более высокой рождаемости. В экономическом анализе рождаемости также подчеркивается важность альтернативных издержек времени женщин [Willis, 1973; Schultz, 1986]. Авторы показывали, что рост доходов и уровня образования женщин увеличивает ценность их времени на рынке труда, что может приводить к снижению рождаемости.

С другой стороны, ряд авторов отмечает, что в странах, где значительно выросли человеческий капитал и возможности женщин на рынке труда, неравенство в семейной жизни может становиться причиной снижения темпов рождаемости [McDonald, 2000; Goldin, 2025]. Обосновывая предложенную теоретическую модель, К. Голдин на межстрановых данных показывает: суммарный коэффициент рождаемости оказывается ниже в тех странах, где выше разрыв во времени, затрачиваемом на неоплачиваемый домашний труд между женщинами и мужчинами. Согласно данному подходу, повышение рождаемости в современных условиях возможно, если мужчина принимает справедливое участие в домашнем труде и уходе за детьми, что снижает «цену» материнства для женщины.

Обзор эмпирических исследований:

бюджеты времени, разделение труда и рождаемость

Эмпирические исследования факторов рождаемости, проведенные на репрезентативных данных (Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения), показывают устойчивую связь репродуктивных планов и наличия образования, определенного материального положения [Журавлева, Гаврилова, 2017; Тындык, 2012]. Даже при наличии положительных репродуктивных намерений сдерживающими фак-

торами выступают социально-экономические условия и субъективные оценки благосостояния семьи [Гудкова, 2019]. Экономические ограничения дополняются воспринимаемыми рисками и нагрузкой, связанными с рождением ребенка.

Анализ бюджетов времени также показывает различия между мужчинами и женщинами в распределении домашнего труда в российских семьях. Данные Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением 2019 г. показывают, что матери несут основную нагрузку по уходу за детьми, причем с ростом числа детей становится заметна тенденция: время женщин на оплачиваемый труд сокращается, а на домашний — возрастает [Антонов и др., 2024]. С другой стороны, увеличение рыночной занятости не всегда компенсируется соответствующим перераспределением домашних обязанностей [Барсукова, Радаев, 2001].

При анализе бюджетов времени важным фактором может быть субъективное восприятие существующих различий. Исследования показывают наличие устойчивого расхождения в оценках времени, затрачиваемого на домашний труд, между мужчинами и женщинами [Макаренцева и др., 2017]. Мужчины склонны оценивать как собственное участие, так и участие супруги (партнера) выше, что приводит к различающимся оценкам. Это восприятие связано с удовлетворенностью распределением обязанностей, которая может зависеть от продолжительности отношений и наличия детей. Таким образом, в рамках данного исследования можно предполагать, что именно сочетание разделения труда и субъективной удовлетворенности им — значимый фактор, влияющий на принятие репродуктивных решений.

Непосредственная связь между разделением домашнего труда и репродуктивными решениями была в фокусе ряда зарубежных исследований. Можно отметить общую тенденцию: более равное участие партнеров в выполнении домашних обязанностей положительно связано с репродуктивными планами. Эти сходства можно заметить в работах по странам с низким уровнем рождаемости, но различным культурным контекстом: в странах Азии, Европы, Америки.

На данных Восточной Азии (Китай, Япония, Южная Корея) авторы выявили, что участие мужей в домашнем труде положительно связано с идеальным числом детей как у женщин, так и у мужчин [Kan et al., 2019]. Сравнительное исследование России и Швеции показывает, что даже при схожей модели семьи с двумя «кормильцами» и сравнимом уровне занятости женщин традиционные женские и мужские роли в России поддерживаются заметно сильнее и распределение домашнего труда остается менее равномерным [Кравченко, Аквиле, 2008].

В отдельных работах предлагается рассматривать также удовлетворенность сложившимся разделением труда [Riederer et al., 2019]. На данных четырех европейских стран (Австрия, Венгрия, Польша и Франция) авторы показали, что сбалансированная модель разделения обязанностей положительно связана с краткосрочными репродуктивными намерениями в тех парах, где партнеры удовлетворены таким распределением. Важным вывод также в том, что разделение труда значимо связано именно с формированием намерений, в то время как его роль в последующей реализации рождений оказывается менее существенной и требует дальнейшего изучения.

Исследования, использующие замеры временных затрат на основе данных бюджетов времени, показывают значимость воспринимаемой нагрузки. Так, на данных Финляндии доказано, что увеличение времени, затрачиваемого женщинами на домашний труд, снижает вероятность последующих рождений [Miettinen, Lainiala, Rotkirch, 2015]. Канадские данные также свидетельствуют о значимом эффекте занятости: работающие женщины, разделявшие домашние обязанности с партнером, демонстрировали более высокие намерения родить ребенка, при этом уровень образования такой роли не играл [Erfani, Pilon, 2025].

Таким образом, современное состояние исследований позволяет сформулировать основные содержательные гипотезы работы.

Гипотеза 1. Формирование репродуктивных намерений значимо связано с разделением труда в домохозяйстве в сочетании с субъективной удовлетворенностью им.

Гипотеза 2. Традиционное разделение труда в сочетании с низкой удовлетворенностью им снижает вероятность формирования намерений рождения ребенка в ближайшие три года.

Гипотеза 3. Модернизированное разделение труда в сочетании с высокой удовлетворенностью им повышает вероятность формирования намерений рождения ребенка в ближайшие три года.

Работа призвана внести вклад в сложившуюся дискуссию путем эмпирического исследования на репрезентативных данных для России, где, как было показано ранее, существует асимметрия в распределении домашних обязанностей. В части методов в работе развивается подход, предложенный в исследовании по схожим международным данным [Riederer et al., 2019].

Данные и методология

Данные

Исследование основано на данных первой волны (2004 г.) репрезентативного российского социально-демографического обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ), являвшегося частью международной программы «Поколения и гендер». Несмотря на то что данные были собраны достаточно более 20 лет назад, изучение сложившихся моделей семейного поведения сохраняет актуальность. Кроме того, уникальность источника и его связь с международным исследованием позволяют проводить межстрановые сопоставления за аналогичные периоды. При возобновлении обследования или появлении более современных данных, допускающих применение аналогичной методологии, станет возможным анализ изменений репродуктивного поведения за прошедшее время с реализацией схожей методологии.

В выборку вошли респонденты репродуктивного возраста (18—45 лет), состоящие в браке или имеющие партнера и проживающие с ним (с ней) в одном домохозяйстве. Зависимой переменной выступили репродуктивные намерения на ближайшие три года. Респондентам задавался вопрос: «Собираетесь ли Вы завести (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет?», ответам «Определенно да» и «Пожалуй, да» присваивалось значение 1, ответам «Определенно нет» и «Пожалуй, нет» — значение «0».

Дополнительно были рассмотрены доли респондентов, у которых ребенок родился до второй волны РидМиЖ (2007 г.). Для этого данные первых двух волн были объединены; при определении реализации репродуктивных намерений учитывались фактические рождения между опросами и беременности на момент второй волны в соответствии с подходом, применяемым в других работах [Макаренцева, Бирюкова, 2023].

Методология

Для оценки взаимосвязи разделения труда в семье и репродуктивных намерений оценивалась бинарная логистическая модель. Зависимой переменной выступало намерение рождения ребенка в течение ближайших трех лет. Описание конструирования объясняющих переменных в модели представлено далее. Для элементов, составивших ключевые объясняющие переменные в регрессионных моделях, также представлен описательный анализ.

Кроме того, для оценки вклада разделения домашних обязанностей в объяснение зависимой переменной применялось разложение псевдо- R^2 с помощью вектора Шепли. Также были оценены модели на подвыборках (женщин и мужчин, а также в зависимости от числа детей) и проверена статистическая значимость такого разбиения (LR-тест отношения правдоподобия).

Характер разделения домашних обязанностей и удовлетворенность им

Ключевые объясняющие переменные — характер разделения домашних обязанностей в домохозяйстве и удовлетворенность им, при определении которых работа опирается на статью зарубежных авторов [Riederer et al., 2019]. Воспроизведение предложенной ими методологии стало возможным благодаря сопоставимости анкет РидМиЖ и международного исследования «Поколения и гендер».

Для измерения разделения домашних обязанностей был построен индекс, объединяющий четыре вида деятельности: приготовление еды, мытье посуды, покупку продуктов и уборку пылесосом. По каждому занятию респонденты указывали, кто обычно его выполняет. Исходная шкала была преобразована в пятибалльную: от 1 («всегда выполняется мужчиной») до 5 («всегда выполняется женщиной»), при этом ответы, согласно которым задачу выполняет другой человек (проживающий в домохозяйстве или нет), относились к категории 3, поскольку оба партнера в равной мере не участвуют в ее выполнении. На основе четырех занятий для каждого респондента рассчитывался средний индекс (среднее по выборке — 3,72). С использованием порогового значения 3,75 были выделены домохозяйства с традиционным (индекс выше 3,75) и модернизированным (индекс 3,75 и ниже) разделением труда. Последнее предполагало, что мужчина участвует в большинстве занятий наравне с женщиной либо несет основную ответственность хотя бы за одно из них.

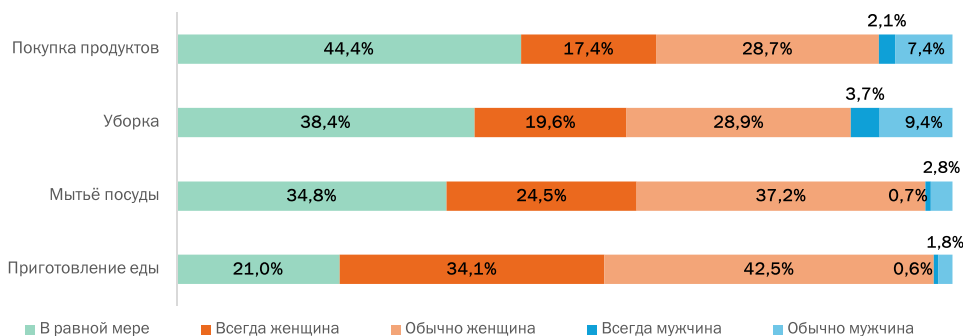
Дополнительно учитывалась удовлетворенность распределением домашних обязанностей, оцениваемая по шкале от 0 («совершенно не удовлетворен(а)») до 10 («полностью удовлетворен(а)»). Исходная 11-балльная шкала была преобразована в три категории сопоставимого размера: «умеренная удовлетворенность или меньше» (0—7 баллов), «довольно хорошая удовлетворенность» (8—9 баллов) и «чрезвычайно высокая удовлетворенность» (10 баллов).

В дальнейшем анализе использовалась комбинированная переменная, объединяющая тип разделения труда и уровень удовлетворенности, что позволило выделить шесть групп респондентов. Референтной категорией в регрессионных моделях выступала группа с традиционным разделением труда и чрезвычайно высокой удовлетворенностью.

Описательный анализ элементов разделения домашних обязанностей

Переменные разделения домашних обязанностей состоят из нескольких элементов, поэтому их предварительный описательный анализ представляет самостоятельный интерес. На рисунке 1 показано распределение ответов по участию в приготовлении еды, мытье посуды, покупке продуктов и уборке.

Рис. 1. Распределение ответов респондентов по четырем занятиям в домохозяйстве по всей выборке, %¹

Из диаграммы заметно, что наиболее часто мужчины вовлечены в покупку продуктов (средний индекс — 3,51) и уборку (3,50), тогда как наиболее «женскими» занятиями оказываются приготовление еды (4,06) и мытье посуды (3,80). На рисунке 2 представлено распределение усредненного индекса по четырем видам домашних обязанностей.

Для выборки респондентов репродуктивного возраста среднее значение индекса составило 3,72. Распределение является скошенным: ситуации, когда все или большинство домашних дел выполняет мужчина, встречаются редко, при этом 7,9 % респондентов указали, что все четыре занятия *всегда* выполняет женщина.

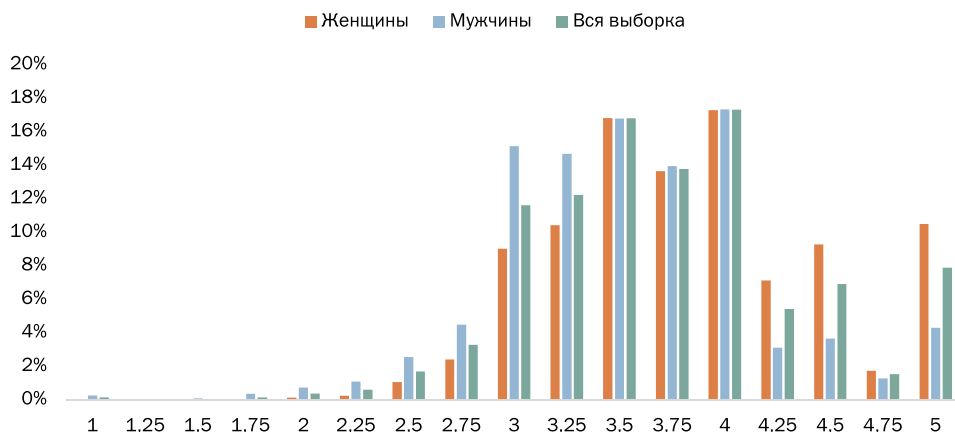
Стоит отметить, что полученные от респондентов ответы могут содержать смещение. Поскольку опрос проводился индивидуально и не позволял сопоставить ответы партнеров из одного домохозяйства, мужчины и женщины могли по-разному оценивать собственный вклад в домашний труд. В результате женщины чаще характеризовали разделение труда как традиционное, а мужчины — как модернизированное.

Так, в выборке в домохозяйствах с модернизированным разделением труда проживают 70 % мужчин и 54 % женщин. Такое расхождение может объясняться как переоценкой мужчинами собственного участия в домашних обязанностях, так

¹ Источник: расчеты автора по данным РИДМИЖ.

и недооценкой женщинами вклада партнеров [Макаренцева и др., 2017]. Кроме того, чрезвычайно удовлетворены сложившимся разделением труда 49% мужчин и всего 28% женщин, среди женщин наиболее распространена умеренная или низкая удовлетворенность (48%). Тем не менее агрегированные по обеим группам результаты представляются более сбалансированными.

Рис. 2. Распределение значений усредненного индекса разделения домашнего труда по всей выборке, отдельно для мужчин и женщин по четырем занятиям в домохозяйстве, %²

Согласно разделению по рассчитанному индексу, модернизированное распределение труда характерно для 60,9% респондентов, традиционное — для 39,1%. Чрезвычайно удовлетворены сложившимся распределением обязанностей 36,7% респондентов, довольно удовлетворены — 26,5%, умеренно или менее — 36,8%. Объединение этих переменных позволило сформировать шесть категорий (список представлен в таблице 2), при этом существенного перевеса в той или иной группе не наблюдается.

Дополнительно были рассмотрены три возрастные группы: 18—24, 25—34 и 35—45 лет. Средние значения индекса разделения домашних обязанностей между ними почти не различаются, поэтому можно предположить отсутствие существенного влияния возрастной структуры выборки на выделение групп с традиционным и модернизированным разделением труда. Удовлетворенность сложившимся разделением труда несколько снижается с возрастом: доля респондентов с умеренной или низкой удовлетворенностью возрастает с 32,8% в группе 18—24 лет до 38,3% в группе 35—45 лет, тогда как доля чрезвычайно удовлетворенных сопоставимо во всех трех группах.

Контрольные переменные

Контрольные переменные были подобраны на основе предыдущих исследований факторов формирования репродуктивных намерений на российских данных

² Источник: расчеты автора по данным РИДМИЖ.

[Макаренцева, Бирюкова, 2023; Вакуленко, Митрофанова, Горский, 2023; Журавлева, Гаврилова, 2017], а также опорного в части методологии зарубежного исследования [Riederer et al., 2019]. Они охватывают социально-демографические и социально-экономические характеристики, устойчиво связанные с репродуктивными намерениями.

Кроме характеристик разделения домашних обязанностей и удовлетворенности ими, к объясняющим переменным относились: возраст и его квадрат (для учета нелинейности); пол респондента; наличие одного или нескольких детей у респондента и/или партнера, проживающих в домохозяйстве; наличие высшего образования (получение именно высшего образования меняет положение индивида на рынке труда, повышает альтернативные издержки времени, что отражается на репродуктивных установках); вероисповедание; тип населенного пункта, слабое состояние здоровья респондента (самооценка здоровья как плохого или очень плохого); материальное положение домохозяйства; наличие жилья в собственности и удовлетворенность жильем.

Материальное положение оценивалось на основе вопроса: «Если говорить о совокупном доходе Вашего домохозяйства, насколько легко у Вас получается сводить концы с концами?». Для анализа категории «с большим трудом» и «с трудом» были объединены, как и категории «довольно легко», «легко» и «очень легко», категория «с некоторыми усилиями» рассматривалась отдельно. Референтной категорией в регрессионных моделях выступали домохозяйства, довольно легко, легко или очень легко живущие в рамках своих доходов. Хотя анкета содержала вопрос о денежном доходе домохозяйства, субъективная оценка материального положения представляется более интерпретируемой для данных 2004 г. Кроме того, высокая удовлетворенность жильем определялась как оценки восемь-десять баллов по десятибалльной шкале при ответе на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены своим жильем?».

Описательные статистики объясняющих переменных представлены в таблице 1. Средние значения фиктивных переменных, характеризующих разделение труда и удовлетворенность им, соответствуют долям респондентов в каждой группе и представлены в таблице 2.

Таблица 1. Описательные статистики объясняющих переменных, использованных в регрессионных моделях

Переменная	Среднее значение	Статистическое отклонение
Возраст	34,02	6,98
Квадрат возраста	1206,27	469,59
Женщины	0,58	0,49
Есть один ребенок	0,48	0,50
Есть двое детей и более	0,38	0,49
Высшее образование	0,29	0,45
Слабое здоровье	0,04	0,20

Переменная	Среднее значение	Статистическое отклонение
Вероисповедание — православное христианство	0,74	0,44
Вероисповедание — ислам	0,05	0,22
Проживание в Москве / Московской области или Санкт-Петербурге / Ленинградской области	0,16	0,37
Проживание в сельском населенном пункте	0,27	0,44
Домохозяйство с усилиями живет в рамках совокупного дохода	0,44	0,50
Домохозяйство с (большим) трудом живет в рамках совокупного дохода	0,43	0,50
Наличие жилья в собственности	0,60	0,49
Высокая удовлетворенность жильем	0,26	0,44

Примечание. Указанные переменные — фиктивные (значение «1» при отнесении респондента к названной категории, «0» — иначе), кроме возраста (значения от 18 до 45 лет).

Источник: расчеты автора по данным РИДМЖ за 2004 г.

Результаты

Описательный анализ различий в репродуктивных намерениях групп

До перехода к оцениванию регрессионных моделей уже можно отметить заметные различия репродуктивных намерений групп респондентов из семей с разным разделением труда. 22,3% респондентов из семей с традиционным разделением труда выражали намерение родить ребенка в течение ближайших трех лет, в то время как для респондентов из семей с модернизированным разделением труда соответствующее значение составило 30,8% (различия статистически значимы согласно критерию χ^2 Пирсона, $p < 0,01$). Среди респондентов, наименее удовлетворенных сложившимся разделением труда в семье, положительное репродуктивное намерение выражали 20,4%, а среди тех, кто был довольно хорошо и чрезвычайно высоко удовлетворен разделением, — 29,9% и 32,8% соответственно. Доля намеренных родить ребенка респондентов в каждой группе по разделению труда в сочетании с удовлетворенностью им представлена далее в таблице 2.

Таблица 2. Доли респондентов, намеренных родить ребенка в течение ближайших трех лет, %

Группа	Количество (и доли, %) респондентов	Доли респондентов с положительными репродуктивными намерениями, %
Модernизированное разделение труда и умеренная удовлетворенность или меньше	491 (19,1)	25,1
Модernизированное разделение труда и довольно хорошая удовлетворенность	448 (17,4)	31,5
Модernизированное разделение труда и чрезвычайно высокая удовлетворенность	628 (24,4)	34,7
Традиционное разделение труда и умеренная удовлетворенность или меньше	455 (17,7)	15,4

Группа	Количество (и доли, %) респондентов	Доли респондентов с положительными репродуктивными намерениями, %
Традиционное разделение труда и довольно хорошая удовлетворенность	235 (9,1)	26,8
Традиционное разделение труда и чрезвычайно высокая удовлетворенность	317 (12,3)	29,0

Источник: расчеты автора по данным РидМиЖ за 2004 г.

Из таблицы 2 видно, что наибольшая доля положительных репродуктивных намерений наблюдается при модернизированном разделении труда и чрезвычайно высокой удовлетворенности им, наименьшая — при традиционном разделении труда и умеренной удовлетворенностью или менее.

Результаты оценивания регрессионной модели

Для проверки предложенных в работе гипотез оценивалась логистическая регрессия с бинарной зависимой переменной — намерением рождения (еще одного) ребенка в ближайшие три года. Полученные средние предельные эффекты представлены в сравнении с моделями, в которые включены: М1 — только переменные интереса о разделении труда в семье, М2 — только контрольные переменные (см. табл. 3). Среди показателей качества итоговой модели (М3) с включением одновременно переменных интереса и контрольных можно отметить: значение псевдо- R^2 составило 0,31, площадь под ROC-кривой — 0,86. Общее число наблюдений составило 2 574 респондента.

Таблица 3. Средние предельные эффекты логистической модели: репродуктивные намерения

Переменная	М1 (разделение труда)	М2 (контрольные)	М3 (разделение труда + контрольные)
Возраст		–0,012***	–0,012***
		(0,001)	(0,001)
Женщина		–0,059***	–0,032**
		(0,015)	(0,015)
Модернизированное разделение труда и умеренная удовлетворенность или меньше	–0,039		–0,003
	(0,032)		(0,026)
Модернизированное разделение труда и довольно хорошая удовлетворенность	0,023		0,006
	(0,031)		(0,026)
Модернизированное разделение труда и чрезвычайно высокая удовлетворенность	0,051*		0,050**
	(0,029)		(0,025)
Традиционное разделение труда и умеренная удовлетворенность или меньше	–0,158***		–0,087***
	(0,035)		(0,028)

Переменная	M1 (разделение труда)	M2 (контрольные)	M3 (разделение труда + контрольные)
Традиционное разделение труда и довольно хорошая удовлетворенность	–0,022		0,009
	(0,038)		(0,030)
В семье есть один ребенок		–0,225***	–0,221***
		(0,027)	(0,027)
В семье есть двое детей или более		–0,472***	–0,470***
		(0,027)	(0,027)
Проживание в Москве / Московской области или Санкт-Петербурге / Ленинградской области		0,011	0,012
		(0,021)	(0,021)
Проживание в сельском населенном пункте		0,016	0,031*
		(0,018)	(0,018)
Высшее образование		0,043***	0,037**
		(0,016)	(0,016)
Вероисповедание — православное христианство		–0,007	–0,006
		(0,018)	(0,018)
Вероисповедание — ислам		0,146***	0,144***
		(0,037)	(0,037)
Слабое здоровье		–0,093*	–0,090*
		(0,048)	(0,046)
Домохозяйство с усилиями живет в рамках совокупного дохода		–0,060***	–0,056**
		(0,022)	(0,022)
Домохозяйство с (большим) трудом живет в рамках совокупного дохода		–0,085***	–0,073***
		(0,023)	(0,023)
Наличие жилья в собственности		0,003	0,002
		(0,016)	(0,015)
Высокая удовлетворенность жильем		–0,035**	–0,043**
		(0,018)	(0,018)
Количество наблюдений	2574	2574	2574
Pseudo-R2 (McFadden)	0,019	0,301	0,311
Log Likelihood	–1483,784	–1058,325	–1043,109
AUC ROC	0,589	0,853	0,858
AIC	2979,569	2148,649	2128,218
BIC	3014,688	2242,301	2251,135

Примечание. Стандартные ошибки указаны в скобках; *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Источник: расчеты автора по данным РидМиЖ за 2004 г.

Дополнительно были оценены модели, включающие отдельно тип разделения труда и удовлетворенность им. Результаты показали, что оба фактора статистически значимы по отдельности: модернизированное разделение труда связано с более вы-

сокой вероятностью положительных репродуктивных намерений (+5,1 п. п.), а умеренная и более низкая удовлетворенность разделением труда — с меньшей (–7,2 п. п.)³.

Из таблицы видно, что значимыми являются две переменные, характеризующие разделение домашних обязанностей и удовлетворенность им. При прочих равных условиях респонденты из домохозяйств с модернизированным разделением труда и чрезвычайно высокой удовлетворенностью им на 5,0 п. п. чаще выражали намерение завести ребенка в ближайшие три года по сравнению с референтной категорией (традиционное разделение труда и чрезвычайно высокая удовлетворенность). Напротив, респонденты с традиционным разделением труда и умеренной или низкой удовлетворенностью на 8,7 п. п. реже сообщали о таких намерениях. Скорее всего, в таких домохозяйствах рождение ребенка воспринимается как дополнительная нагрузка для женщины, уже выполняющей основную часть домашних обязанностей.

Среди контрольных переменных статистически значимыми оказались возраст, пол, наличие детей, высшее образование, исповедание ислама, материальное положение, состояние здоровья и удовлетворенность жильем. Возраст оказывает нелинейное влияние: вероятность намерения рождения ребенка сначала возрастает, а затем снижается. Женщины в среднем на 3,2 п. п. реже мужчин сообщали о намерении завести ребенка. Низкое материальное положение связано с меньшей вероятностью положительных репродуктивных намерений; аналогичный отрицательный эффект наблюдается для высокой удовлетворенности жильем. Один из немногих положительных эффектов — наличие высшего образования: такие респонденты на 3,7 п. п. чаще выражали намерение о рождении ребенка. Это согласуется с выводами предыдущих исследований [Mills et al., 2008], согласно которым получение высшего образования позволяет сосредоточиться на семейных целях и, кроме того, расширяет возможности выбора более устойчивых форм занятости, совместимых с воспитанием детей. Положительный эффект обнаружен также при переменной вероисповедания ислама: при прочих равных исповедующие данную религию на 14,4 п. п. чаще выражали положительное репродуктивное намерение, что соответствует результатам предыдущих работ [Philipov, Berghammer, 2007; Захаров, Чурилова, 2022]. Слабый отрицательный эффект оказывает плохое состояние здоровья. Наличие детей связано со снижением вероятности формирования положительных репродуктивных намерений: родители одного ребенка на 22,1 п. п. реже сообщали о таких намерениях по сравнению с бездетными респондентами, а родители двоих детей и более — на 47,0 п. п. реже. Вероятно, этот эффект дополнительно усиливался контекстом начала 2000-х годов, когда уровень рождаемости в России был относительно низким.

Результаты оценивания регрессионной модели на подвыборках

LR-тест отношения правдоподобия выявил гетерогенность подвыборок мужчин и женщин ($p < 0,05$), поэтому дополнительно были оценены отдельные регрессионные модели для каждой группы (см. табл. 4)⁴.

³ Эти результаты оценивания регрессионных моделей могут быть предоставлены по запросу.

⁴ Развернутые оценки средних предельных эффектов для контрольных переменных могут быть предоставлены по запросу.

Таблица 4. **Средние предельные эффекты логистической модели: репродуктивные намерения мужчин и женщин**

Переменная	Женщины	Мужчины
Модернизированное разделение труда и умеренная удовлетворенность или меньше	0,0101 (0,034)	–0,0003 (0,041)
Модернизированное разделение труда и довольно хорошая удовлетворенность	0,030 (0,033)	–0,026 (0,041)
Модернизированное разделение труда и чрезвычайно высокая удовлетворенность	0,088*** (0,033)	0,016 (0,036)
Традиционное разделение труда и умеренная удовлетворенность или меньше	–0,049 (0,032)	–0,172** (0,070)
Традиционное разделение труда и довольно хорошая удовлетворенность	0,041 (0,038)	–0,042 (0,049)
Контрольные переменные	Включены	Включены
Количество наблюдений	1 485	1 089
Pseudo-R ² (McFadden)	0,346	0,283
Log Likelihood	–542,475	–485,274
AUC ROC	0,877	0,843
AIC	1124,950	1010,548
BIC	1231,014	1110,408

Примечание. Стандартные ошибки указаны в скобках; *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Контрольные переменные: возраст, наличие одного или двух детей, проживание в Москве или Санкт-Петербурге, в сельском населенном пункте, наличие высшего образования, вероисповедание, слабое здоровье, материальное положение, жилищные условия.

Источник: расчеты автора по данным РИДМИЖ за 2004 г.

Для женщин статистически значимым оказалось только сочетание модернизированного разделения труда и чрезвычайно высокой удовлетворенности им: вероятность формирования положительных репродуктивных намерений в этой группе была на 8,8 п. п. выше по сравнению с референтной категорией.

Для мужчин данный эффект оказался незначимым, то есть участие в домашних обязанностях само по себе не было связано с репродуктивными намерениями. Вместе с тем значимым оказался эффект традиционного разделения труда в сочетании с умеренной или низкой удовлетворенностью им: такие мужчины на 17,2 п. п. реже планировали рождение ребенка в ближайшие три года. Вероятно, низкая удовлетворенность распределением домашних обязанностей указывает на более общие проблемы в отношениях пары, отражающиеся на репродуктивных намерениях респондентов. Такая интерпретация согласуется с результатами предыдущих исследований, показывающих снижение благополучия мужчин при росте совокупной нагрузки женщин на рынке труда и в домашнем хозяйстве [Ядрищенская, 2026].

LR-тест отношения правдоподобия ($p < 0,01$) выявил различия в репродуктивных намерениях в зависимости от числа детей, поэтому регрессионные модели

были оценены отдельно для респондентов без детей, с одним ребенком и с двумя детьми или более (см. табл. 5)⁵. Доля респондентов с положительными репродуктивными намерениями составила 59,2 % среди бездетных, 35,3 % среди родителей одного ребенка и 6,0 % среди родителей двух и более детей.

Таблица 5. Средние предельные эффекты логистической модели: репродуктивные намерения респондентов по числу детей

Переменная	Нет детей	Один ребенок	Двое детей или более
Модернизированное разделение труда и умеренная удовлетворенность или меньше	–0,033	0,001	–0,003
	(0,080)	(0,044)	(0,027)
Модернизированное разделение труда и довольно хорошая удовлетворенность	0,007	0,008	–0,005
	(0,080)	(0,044)	(0,028)
Модернизированное разделение труда и чрезвычайно высокая удовлетворенность	–0,022	0,100**	0,015
	(0,069)	(0,041)	(0,023)
Традиционное разделение труда и умеренная удовлетворенность или меньше	–0,158*	–0,084*	–0,097**
	(0,084)	(0,046)	(0,043)
Традиционное разделение труда и довольно хорошая удовлетворенность	0,013	0,037	–0,016
	(0,084)	(0,053)	(0,029)
Контрольные переменные	Включены	Включены	Включены
Количество наблюдений	361	1 230	983
Pseudo-R2 (McFadden)	0,353	0,158	0,149
Log Likelihood	–157,918	–672,736	–189,863
AUC ROC	0,859	0,752	0,790
AIC	353,836	1383,473	417,727
BIC	427,725	1480,653	510,648

Примечание. Стандартные ошибки указаны в скобках; *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$. Контрольные переменные: возраст, пол респондента, проживание в Москве или Санкт-Петербурге, в сельском населенном пункте, наличие высшего образования, вероисповедание, слабое здоровье, материальное положение, жилищные условия.

Источник: расчеты автора по данным РидМИЖ за 2004 г.

Негативный эффект традиционного разделения труда в сочетании с низкой удовлетворенностью наблюдается во всех подгруппах, при этом его величина и статистическая значимость различаются. Для респондентов, у которых есть один ребенок, модернизированное разделение труда в сочетании с чрезвычайно высокой удовлетворенностью повышает вероятность намерения завести ребенка на 10,0 п. п. Напротив, традиционное разделение труда и низкая удовлетворенность снижают ее на 8,4 п. п., что согласуется с результатами общей модели.

⁵ Развернутые оценки средних предельных эффектов для контрольных переменных могут быть предоставлены по запросу.

Для бездетных респондентов результаты несколько иные. Эта группа сравнительно малочисленна ($N = 361$), моложе остальных, при этом для нее характерен высокий исходный уровень положительных репродуктивных намерений (59,2 %). На 10-процентном уровне значимости традиционное разделение труда в сочетании с умеренной удовлетворенностью связано со снижением вероятности положительных репродуктивных намерений на 15,8 п. п. Можно предположить, что при планировании первого ребенка организация домашнего труда играет меньшую роль по сравнению с другими обстоятельствами.

Для родителей двух и более детей положительный эффект модернизированного разделения труда незначим, что может указывать на большую роль иных факторов при принятии решений о переходе к многодетности (третьем и последующих рождениях). Таким образом, наиболее заметное значение разделение труда имеет для родителей одного ребенка, планирующих рождение второго: модернизированное распределение обязанностей в сочетании с высокой удовлетворенностью повышает вероятность положительных репродуктивных намерений на 10,0 п. п.

Оценка вклада объясняющих переменных модели

Для оценки вклада переменных в объяснение зависимой переменной в основной модели применялась декомпозиция псевдо- R^2 методом Шепли [Israeli, 2007]. Часть переменных модели была сгруппирована для удобства вычислений. Оказалось, что наибольший вклад в объяснение зависимой переменной (44,9 %) вносят две сгруппированные физиологические характеристики человека — возраст и пол. Наличие одного, двоих детей или более также вносит заметный вклад (42,4 %) в объяснение зависимой переменной рассматриваемой модели. На следующем месте по значимости (4,3 %) находится группа фиктивных переменных, характеризующих разделение труда в домохозяйстве и удовлетворенность им. Данная группа факторов несколько превосходит по оценке объясненной части зависимой переменной даже материальное положение, на которое приходится 3,0 % объяснения. Оставшиеся переменные и их группы составляют суммарно 5,5 % вклада в объяснение зависимой переменной.

Реализация репродуктивных намерений

Для расчета долей респондентов, реализовавших репродуктивные намерения, были использованы данные второй волны РидМиЖ (2007 г.). Итоговая выборка включала 1803 респондента репродуктивного возраста, состоявших в паре и ответивших на вопросы о разделении труда в первой волне (около 70 % первоначальной выборки).

Среди респондентов, высказывавших положительные репродуктивные намерения в первой волне, их реализовали 24 %. Для ответивших «определенно да» соответствующая доля составила 36,4 %, для ответивших «пожалуй, да» — 18,4 %. Полученные оценки близки к результатам предыдущих исследований (38,8 % и 21,3 % соответственно) [Макаренцева, Бирюкова, 2023: 37]. Небольшие расхождения, вероятно, связаны с исключением респондентов, не ответивших на вопросы о разделении труда в первой волне.

Несмотря на согласованность полученных результатов с предыдущими исследованиями, в работе было решено отказаться от моделирования влияния разделения труда на реализацию репродуктивных намерений. Основное ограничение заключается в том, что данные о разделении домашних обязанностей и удовлетворенности им были доступны только для первой волны. За трехлетний период между обследованиями характеристики респондентов могли измениться, что создало бы риск смещения оценок из-за пропущенных переменных. Например, респонденты могли пересмотреть распределение домашнего труда, готовясь к рождению ребенка, или же могли возникнуть новые факторы (изменение состояния здоровья, профессиональные факторы), которые отразились на реализации первоначальных планов или разделении труда.

Таким образом, анализ был сосредоточен на связи репродуктивных намерений с текущими условиями. Изучение реализации намерений возможно с использованием панельных данных, в которых ключевые переменные, включая разделение труда, измерялись бы повторно.

Заключение

Настоящее исследование было посвящено анализу связи между репродуктивными намерениями россиян и характером разделения домашних обязанностей в сочетании с удовлетворенностью им. Анализ данных обследования РидМиЖ позволяет сделать несколько выводов.

Для формирования положительных репродуктивных намерений наиболее благоприятно модернизированное разделение труда в сочетании с чрезвычайно высокой удовлетворенностью им. Напротив, традиционное разделение труда при низкой удовлетворенности выступает одним из самых заметных негативных факторов. Полученные результаты согласуются с выводами [Riederer et al., 2019], показавшими значимость не только самого разделения труда, но и удовлетворенности им.

Кроме того, анализ подвыборок также выявил ряд различий. Для женщин значимым оказался положительный эффект модернизированного разделения труда при высокой удовлетворенности, в то время как для мужчин — отрицательный эффект традиционного разделения труда при низкой удовлетворенности, что может говорить о более общих проблемах в отношениях пары. Связь между разделением труда и репродуктивными намерениями проявлялась главным образом у респондентов, уже имеющих детей. Особенно важным модернизированное распределение обязанностей оказывалось для родителей одного ребенка, планирующих рождение второго. Для бездетных респондентов данная связь почти не наблюдалась, что, вероятно, связано с их высокой исходной мотивацией к рождению первого ребенка.

Несмотря на полученные содержательные результаты, в работе есть несколько ограничений. Во-первых, используются данные 2004 г., при этом за прошедшие два десятилетия могли измениться как семейные и ролевые установки, так и условия выполнения домашних обязанностей, в том числе вследствие распространения новых технологий (доставка продуктов, посудомоечные машины, роботы-пылесосы и др.). Поэтому важной задачей будущих исследований является воспроизведение анализа на более современных репрезентативных данных для проверки устойчивости выявленных закономерностей.

Во-вторых, в анализе учитывались только домашние обязанности без рассмотрения труда по уходу за детьми, который может распределяться иначе и тоже быть связанным с репродуктивными намерениями. В работе также не рассматривалась напрямую роль старших родственников семьи, чья помощь может перераспределять домашний труд. Другим ограничением стало использование индекса разделения труда, в котором все виды домашних обязанностей имеют одинаковый вес в соответствии с подходом в опорной работе [ibid.]. Перспективным направлением представляется разработка взвешенных показателей, учитывающих различия во временных затратах и нагрузке, например с помощью метода главных компонент. Наконец, международный характер программы РидМиЖ создаст возможности для дальнейших межстрановых сравнений.

Полученные результаты могут быть полезны при разработке социальной и демографической политики. Они свидетельствуют в пользу мер, способствующих более справедливому распределению домашнего труда. В этом контексте данная работа находит поддержку в исследовании И. Е. Калабихиной, предлагающей парадигму социально-демографической политики, основанную на управлении временем как ключевом ресурсе и выступающей за переход к решениям для улучшения баланса между семьей и работой [Калабихина, 2020]. При таком подходе конкретными мерами могут быть расширение практик вовлечения отцов в уход за детьми, развитие инфраструктуры, снижающей нагрузку на семью по уходу за детьми и создающей условия для более равномерного распределения труда. Кроме того, как отмечается в Стратегии действий в области семейной и демографической политики⁶, важным направлением является содействие в успешном совмещении семейной и профессиональной реализации, в том числе через распространение гибких форм занятости для родителей.

Таким образом, исследование показывает, что рождаемость в России связана не только с объективными экономическими, но и с внутрисемейными аспектами жизни, одним из которых является справедливое для обоих партнеров распределение домашнего труда.

Список литературы (References)

1. Антонов А. И., Карпова В. М., Ляликова С. В. Времени в обрез: сколько времени россияне уделяют заботе о собственных детях? // *Народонаселение*. 2024. Т. 27. № 3. С. 137—152. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-3-137-152>. Antonov A. I., Karpov V. M., Lyalikova S. V. (2024) Pressed for Time: How Much Time Do Russians Spend Caring for Their Children? *Population*. Vol. 27. No. 3. P. 137—152. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-3-137-152>. (In Russ.)
2. Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // *Экономическая социология*. 2001. Т. 2. № 2. С. 23—60.

⁶ Правительство утвердило Стратегию действий по реализации семейной и демографической политики до 2036 г. Распоряжение Правительства РФ № 615-р от 15 марта 2025 г. URL: <http://government.ru/docs/54573/> (дата обращения 23.11.2025).

- Barsukova S. Yu., Radaev V. V. (2001) Principles of Labor Distribution between Spouses in a Modern Urban Family. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 2. No. 2. P. 23—60. (In Russ.)
3. Вакуленко Е. С., Митрофанова Е. С., Горский Д. И. Репродуктивные намерения россиян с детьми в начале пандемии COVID-19 // Вопросы экономики. 2023. № 4. С. 85—102. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-4-85-102>.
Vakulenko E. S., Mitrofanova E. S., Gorskiy D. I. (2023) Reproductive Intentions of Russians with Children at the Beginning of the COVID-19 Pandemic. *Voprosy Ekonomiki*. No. 4. P. 85—102. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-4-85-102>. (In Russ.)
 4. Вакуленко Е. С., Горский Д. И., Кондратьева В. П., Трофименко И. А. Репродуктивные намерения россиян в 2022—2023 гг.: роль субъективных факторов // Вопросы экономики. 2024. № 9. С. 138—157. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-9-138-157>.
Vakulenko E. S., Gorskiy D. I., Kondrateva V. P., Trofimenko I. A. (2024) Reproductive Intentions of Russians in 2022—2023: The Role of Subjective Factors. *Voprosy Ekonomiki*. No. 9. P. 138—157. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-9-138-157>. (In Russ.)
 5. Вакуленко Е. С., Евграфова Р. Ю. Ипотека и репродуктивные намерения: стимул или преграда? // Вопросы экономики. 2025. № 6. С. 137—153. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-6-137-153>.
Vakulenko E. S., Evgrafova R. Yu. (2025) Mortgage and Reproductive Intentions: A Boost or a Barrier? *Voprosy Ekonomiki*. No. 6. P. 137—153. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-6-137-153>. (In Russ.)
 6. Гудкова Т. Б. Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 4. С. 83—103. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10428>.
Gudkova T. B. (2019) Fertility Intentions in Russia: Motivation and Constraints. *Demographic Review*. Vol. 6. No. 4. P. 83—103. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10428>. (In Russ.)
 7. Журавлева Т. Л., Гаврилова Я. А. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 21. № 1. С. 145—187.
Zhuravleva T. L., Gavrilova Ya. A. (2017) Analysis of Fertility Determinants in Russia: What do RLMS Data Say? *Higher School of Economics Economic Journal*. Vol. 21. No. 1. P. 145—187. (In Russ.)
 8. Захаров С. В., Чурилова Е. В. Вероисповедание, религиозность и рождаемость в России. Есть ли взаимосвязь? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. Т. 40. № 4. С. 77—104. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-4-77-104>.

- Zakharov S. V., Churilova E. V. (2022) Fertility in Russia: Does Religion and Religiousness Matter? *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. Vol. 40. No. 4. P. 77—104. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-4-77-104>. (In Russ.)
9. Калабихина И. Е. Измерение временем: новая парадигма социально-демографической политики // *Народонаселение*. 2020. Т. 23. № 2. С. 37—50. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.4>.
Kalabikhina I. E. (2020) Measurement by Time: A New Paradigm of Socio-Demographic Policy. *Population*. Vol. 23. No. 2. P. 37—50. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.4>. (In Russ.)
 10. Кравченко Ж. В., Аквиле М. Женщины и мужчины на работе и дома: гендерное разделение труда в России и Швеции // *Журнал исследований социальной политики*. 2008. Т. 6. № 2. С. 177—200.
Kravchenko Zh. V., Akvile M. (2008) Women and Men in Employment and at Home: Gendered Work Patterns in Russia and Sweden. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 6. No. 2. P. 177—200. (In Russ.)
 11. Макаренцева А. О., Бирюкова С. С. Факторы, устойчивость и реализация репродуктивных намерений в России // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 2 (174). С. 31—56. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2379>.
Makarentseva A. O., Biryukova S. S. (2023) Factors, Consistency, and Realization of Reproductive Intentions in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 31—56. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2379>. (In Russ.)
 12. Макаренцева А. О., Бирюкова С. С., Третьякова Е. А. Представления мужчин и женщин о затратах времени на работу по дому // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017. № 2 (138). С. 97—114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.06>.
Makarentseva A. O., Biryukova S. S., Tretyakova E. A. (2017) Perceptions of Time Spent on Housework among Men and Women. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 97—114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.06>. (In Russ.)
 13. Тынди́к А. О. Репродуктивные установки и их реализация в современной России // *Журнал исследований социальной политики*. 2012. Т. 10. № 3. С. 361—376.
Tyndik A. O. (2012) Reproductive Attitudes and Their Realization in Modern Russia. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 10. No. 3. P. 361—376. (In Russ.)
 14. Ядрищенская К. Ю. Оценка благополучия членов российских домохозяйств с учетом данных о распределении суточного времени: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. М.: Московский государственный университет, 2026.
Yadrishenskaya K. Yu. (2026) Assessment of the Well-Being of Members of Russian Households Based on Data on the Daily Time Allocation. Extended Abstract of the PhD Dissertation in Economics. Moscow: Moscow State University. (In Russ.)

15. Ajzen I. (1991) The Theory of Planned Behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 50. No. 2. P. 179—211. [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-T](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-T).
16. Becker G. S. (1960) An Economic Analysis of Fertility. In: Roberts G. B. (ed.) *Demographic and Economic Change in Developed Countries*. New York, NY: Columbia University Press. P. 209—240.
17. Becker G. S. (1985) Human Capital, Effort, and the Sexual Division of Labor. *Journal of Labor Economics*. Vol. 3. No. 1, Part 2. P. S33—S58. <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/298075>.
18. Erfani A., Pilon L. (2025) Gender Equality in the Division of Housework and Fertility Intentions in Canada: The Moderating Effect of Employment and Education. *Journal of Family Issues*. Vol. 46. No. 5. P. 784—804. <https://doi.org/10.1177/0192513x241299419>.
19. Goldin C. (2025) The Downside of Fertility. Working Paper 34268. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research.
20. Israeli O. (2007) A Shapley-Based Decomposition of the R-square of a Linear Regression. *The Journal of Economic Inequality*. Vol. 5. No. 2. P. 199—212. <https://doi.org/10.1007/s10888-006-9036-6>.
21. Kan M. Y., Hertog E., Kolpashnikova K. (2019) Housework Share and Fertility Preference in Four East Asian Countries in 2006 and 2012. *Demographic Research*. Vol. 41. P. 1021—1046. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2019.41.35>.
22. McDonald P. (2000) Gender Equity, Social Institutions and the Future of Fertility. *Journal of the Australian Population Association*. Vol. 17. No. 1. P. 1—16. <https://doi.org/10.1007/BF03029445>.
23. Miettinen A., Lainiala L., Rotkirch A. (2015) Women's Housework Decreases Fertility: Evidence from a Longitudinal Study among Finnish Couples. *Acta Sociologica*. Vol. 58. No. 2. P. 139—154. <https://doi.org/10.1177/0001699315572028>.
24. Mills M., Mencarini L., Tanturri M. L., Begall K. (2008) Gender Equity and Fertility Intentions in Italy and the Netherlands. *Demographic Research*. Vol. 18. P. 1—26. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.18.1>.
25. Philipov D., Berghammer C. (2007) Religion and Fertility Ideals, Intentions and Behaviour: A Comparative Study of European Countries. In: Lutz W. (ed.) *Vienna Yearbook of Population Research*. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. P. 271—305. <https://doi.org/10.1553/populationyearbook2007s271>.
26. Riederer B., Buber-Ennsner I., Brzozowska Z. (2019) Fertility Intentions and Their Realization in Couples: How the Division of Household Chores Matters. *Journal of Family Issues*. Vol. 40. No. 13. P. 1860—1882. <https://doi.org/10.1177/0192513X19848794>.

27. Schultz T. P. (1986) The Value and Allocation of Time in High-Income Countries: Implications for Fertility. *Population and Development Review*. Vol. 12. P. 87—108.
28. Slonimczyk F., Yurko A. (2014) Assessing the Impact of the Maternity Capital Policy in Russia. *Labour Economics*. Vol. 30. P. 265—281.
29. Willis R. J. (1973) A New Approach to the Economic Theory of Fertility Behavior. *Journal of Political Economy*. Vol. 81. No. 2. Part 2. P. S14—S64.